

3. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki. – M. : KomKniga, 2006. – 280 s.
4. Vorotnikov Ju. L. Ravnaja stepen' i sredstva ee vyrazhenija v russkom jazyke // Filologicheskie nauki. – 1990. – № 4. – S. 56–63.
5. Gulyga E. V., Shendel's E. I. Grammatiko-leksicheskie polja v sovremennom nemeckom jazyke. – M. : Prosvevlenie, 1969. – 184 s.
6. Espersen O. Filosofija grammatiki. – M., 1958. – 400 s.
7. Krzhizhkova E. Kolichestvennaja determinacija priznaka v russkom jazyke // Sintaksis i norma. – M. : Nauka, 1974. – S. 122–144.
8. Mal'sagova L. D. Kachestvennye imena prilagatel'nye v chechenskom i ingushskom literaturnyh jazykah : dis. ... kand. filol. nauk. – Tbilisi, 1972.
9. Mel'chuk I. A. Kurs obvej morfologii. – M. – Vena : Jazyki russkoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, 1998. – T. 2. – 544 s.
10. Sepir Je. Graduovanie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – M. : Progress, 1985. – S. 43–78.
11. Uslar P. K. Jetnografija Kavkaza. Jazykoznanie. Chechenskij jazyk. – Tiflis : Tipografija kanc. Glavnonachal'stvujuwego grazhdanskoj chast'ju na Kavkaze, 1888. – 120 s.
12. Chokaev K. Z. Morfologija chechenskogo jazyka. Slovoobrazovanie chastej rechi. – Groznyj, 1968. – Ch. 1.

ДЕНОТАТИВНОЕ И РЕФЕРЕНТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ В ИНГУШСКОМ ТЕКСТЕ

Хайрова Роза Резвановна, научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт им. Ч. Ахриева, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, пр-т И. Зязикова, 4, e-mail: roz.ing.81@mail.ru.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что здесь представлен новый взгляд на функциональные свойства местоимений в ингушском языке с точки зрения прагмалингвистики. Рассматриваются особенности местоимений при осуществлении ими денотации и референции. При анализе учитывается специфика каждого из этих понятий, так как при исследовании функциональной природы местоимений в тексте требуется четкое их разграничение.

Ключевые слова: дейксис, анафора, денотация, референция, субститут, коррелят.

DENOTATIVE AND REFERENT USE OF PRONOUNS IN THE INGUSH TEXT

Hayrova Rosa R., researcher, Ingush Research Institute of. Ch. Akhriyev, 386001, Republic of Ingushetia, Magas, I. Zyazikov Ave, 4, e-mail: roz.ing.81@mail.ru.

The actuality (currency) of the subject of the given article is defined by the new look at functional properties of pronouns in Ingush language from the point of view of pragmalinguistic. The features of pronouns are considered at realization of denotation and reference by them. The specific of each of the notions are taken into account in the analysis, as their clear differentiation is needed in the investigation of functional nature of the pronouns in the text.

Key words: deixis, anaphora, denotation, reference, substitute, correlate.

Роль местоимений в тексте очень велика. Они становятся своеобразными словами-проводниками, связывающими разные плоскости сознания и языка в процессе коммуникации. Местоимения соотносят в речи разные слова, слова и объекты действительности, отдельные понятия и классы и т.д. Они помогают связать единицы разных уровней в единую структуру, предназначенную для сообщения какой-то информации, и активизируют усвоение данной информации адресатом.

Как показывает анализ местоимений по функции в процессе порождения связного текста, степень информативности конкретного текста обуславливается главным образом употреблением местоименных вариантов, а также способом их использования.

При описании местоимений как текстовых вариантов необходимо уточнить, что под текстом понимается «объединенная смысловой связью конструкция, состоящая из знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» (БЭС 1990, с. 507). Роль местоимений в такой конструкции чрезвычайно значима.

Поскольку главными чертами текста являются связность и соотнесенность с действительностью, то описание местоимений как его элементов носит функциональный характер. Оно отвечает на вопрос: какую функцию выполняет местоимение в том или ином тексте?

Функциональный тип местоимения в тексте можно определить только по функции его текстового варианта. В зависимости от функции в конкретном тексте личные, указательные и притяжательные местоимения являются дейктическими или анафорическими, реже – кванторными. Неопределенные, отрицательные и определительные местоимения могут быть анафорическими или кванторными, редко – дейктическими. Наиболее частотной функцией местоимений в текстах любого типа является анафора.

Рассмотрим функциональные особенности местоимений в ингушском языке в текстовом аспекте, а именно при осуществлении ими денотации и референции. Известно, что **денотация** – это прямая соотнесенность местоимений с обозначаемыми объектами действительности. Денотатом языковой единицы является множество объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей. Денотация идентифицирует объекты речи и действительности. Когда идентификаторами являются местоимения, денотация осуществляется путем прямого указания [1, 4].

Референция определяется в лингвистике как соотнесенность актуализованных (т.е. включенных в речь) имен, именных выражений или их эквивалентов с объектами внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок. Референция соотносит единицы текста с «возможным миром», который отражен в тексте, или в терминах текстовой теории, с текстовой базой [2; 3].

Термин «денотация» образован от более конкретного термина «денотат». В лингвистике термин «денотат» употребляется в отношении лексически значимых единиц, обладающих каким-либо объемом понятия.

В логике денотат определяется как нечто, что может быть названо и обозначено собственным именем. Так, например, имя собственное *Магас* обозначает город, а сам город будет являться денотатом имени «*Магас*». Другими словами, денотат – это конкретный предмет смысла имени.

Местоимения из-за формальной семантики обычно не рассматриваются как слова, имеющие денотаты, между тем функциональный анализ ситуационных дискурсов показывает, что в конкретных текстах местоимения осуществляют именно денотацию: *Ди айделча-м юха а аха болалургба уж, керда хъавший / Когда день вступит в свои права, они, вновь прибывающие гости, начнут подходить* (Ведзижев А.А. Метель в горах. Повести и рассказы).

В данном примере местоимение *уж «они»* конкретизирует текст путем его соотнесения с конкретными лицами.

В лингвистических исследованиях термины «денотация» и «референция» часто используют как равнозначные, но при исследовании функциональной природы местоимений в текстах это практически невозможно, так как объект исследования требует четкого разграничения этих понятий, учитывая специфику каждого из них. Поэтому уточним, что денотация в данной статье рассматривается как соотнесенность единиц языка с конкретными реальными объектами действительности. Денотация осуществляется в прямом дейксисе. Референция – это соотнесенность единиц языка, текста с объектами «возможного мира», на котором основывается смысл текста. Референция же осуществляется в процессе непрямого дейксиса.

Денотация, которая осуществляется в текстах при помощи дейктических местоимений, определяет такое их качество, которое мы и принимаем за собственно «местоименность» в языке. Особенно показательны в этом аспекте те местоимения, грамматические признаки которых совпадают с признаками имен существительных.

Такие местоимения могут рассматриваться в ингушском языке как имена существительные без лексического значения, которые служат указателем на опущенный компонент синтаксической конструкции при условии, что тот в предложении выражает известную информацию. Слово, которое замещается местоимением в конкретном тексте, называется *субститутом*.

В некоторых ингушских текстах субститут может выступать как языковое отображение денотата. Здесь важно отметить тот факт, что субститут в тексте часто является не таким значимым элементом, как его заместитель-местоимение. Местоимение осуществляет часто прямую денотацию, которая может сопровождаться указательным жестом, и при этом нет необходимости называть объект его настоящим именем. Более того, в таких случаях местоимение является сопутствующим указанию словом-сопровождением, поскольку в этом акте передачи информации доминирует направление указания, осуществленного любым жестом. Без осведомленности о пространственном направлении указания местоимения не в состоянии передать какую бы то ни было информацию: *Хьакховдадел сона из дIара книжка / Передай мне вон ту книгу (диалог в классе). Ер га лакхагIа я дIарчул / Это дерево выше, чем то (диалог на улице). Ер книжкаши дIахь мегаргда, хIаьта укханца са кхы а болх бе беза / Эти книги можно унести, а с этой я еще должен поработать (диалог в библиотеке).*

Кроме прямого указания, местоимения в ингушских текстах могут осуществлять не прямой дейксис, когда указывают не на предмет действительности, значимый в данной ситуации, а на отношения между словами: – *Малав хьо?* – *цецваьлар Суньян.* – *Малав хьо, фу деза хьона?* / – *Кто ты?* – *удивился Суньян.* – *Кто ты, что тебе надо?* [Веджижев А.А. Метель в горах. Повести и рассказы]. – *Укхаз хIама кхоалларгьа вай. Укх метте Iергва со, шо дIахо гIоргда, – аьлар цо. Здесь мы перекусим. В этом месте останусь я, а вы пойдете дальше, – сказал он* [Дахкильгов И.А. Берд. Роман]. В данных примерах местоимения осуществляют прямое указание. Ср.: *Цхьакха а хIама ца деи, духьала цIагIа вагIа лаврхIадар цо укх шера* [Горчханов Б.Х. У Сунжи-реки. Рассказы, пьесы] / *Он решил в этом году сидеть дома, ничего не делая. ЙиIиг хьатIаера тхона. Цун бIаргашка хий латтар / Девочка подошла к нам. В ее глазах стояли слезы.* – не прямое указание.

Референтное употребление местоимений в целом аналогично денотации за исключением того, что при референции осуществляется соотнесенность с виртуальными объектами, что делает использование ингушских местоимений в тексте более сложным, чем при осуществлении денотации. Это происходит уже потому, что местоимения указывают на воображаемые объекты, а не на непосредственно воспринимаемые.

То, что местоимения в художественных текстах указывают на воображаемый объект, обусловило одну отличительную особенность в их употреблении: в большинстве случаев местоимения используются не самостоятельно. Как правило, они имеют при себе какое-либо сопутствующее слово, или коррелят: *Берда хезадар из; ше доаккхал деи ва ца алийта, дои аланзар цо / Берд слышал об этом; чтобы не подумали, что хвастается, он ничего не сказал* [Дахкильгов И.А. Берд. Роман].

Без соответствующего слова ингушским местоимениям достаточно сложно осуществлять референцию, поскольку они лишь прямо указывают на объекты, и не сообщают никакой новой информации для фонда знаний адресата речи.

Таким образом, ингушское местоимение в конкретных художественных текстах соотносится не со своим собственным референтом, а с референтом субститута. Соотнесенность с референтом субститута у местоимений происходит целенаправленно и упорядоченно. Ингушские местоимения единственного числа 1-го, 2-го и отчасти 3-го лица чаще всего актуализируют в тексте имена собственные, а местоимения множественного числа – имена нарицательные: *Равза воацаи воIа бIарахьажар Хамарза, бакьда цунна духьала хIама аланзар цо / Хамарза недоволен посмотрел на сына, но он против ничего не сказал. ТIехьара деиши Залинайна хазанзар. Уж хаза эшаш а дацар / Последние слова Залина не услышала. Их и не следовало слышать* [Веджижев А.А. Метель в горах. Повести и рассказы].

Для разных значений, выражаемых ингушскими местоимениями, характерна разная степень актуализации референта. Часто местоимение не способно самостоятельно осуществить актуализацию, поэтому в тексте используется в комплексе с коррелятом, и оба вместе они выражают субститут. Коррелят является главным средством осуществления их референции с «возможным миром». При этом возникают определенные закономерности: если коррелят находится в препозиции, т.е. является антецедентом, то местоимение передает обязательно-старую информацию: *Цун йишаа Кхинча, из цли йоаккхаш хиннай цох, сов хоа хиларах, деглахи юхьахи гавнна длаухаш лир долаш хиннаяр / Его сестра Кинча, этим именем ее называли, была так красива, что от ее тела и лица исходил свет* [Дахкильгов И.А. Берд. Роман].

Если же коррелят находится в постпозиции (антиципент), то местоимение в ингушском языке актуализирует факультативно-старую информацию: *Хьанна хов, соха, воккхача сагах, пайда бала мег шоана / Кто знает, может и от меня, от старика, случится для вас польза.*

В таких случаях антиципент актуализирует часть универсума референта, который является новой информацией и впервые вводится в базу знаний адресата за счет своей соотнесенности с определенным классом. В приведенном примере этот класс определяется по возрастному признаку: сообщается, что говорящий (**от меня**) считает себя стариком. Уточняется лишь компонент, который является, по мнению автора, новым для адресата. Остальная же информация о референте уже известна. Необходимо отметить, что новый компонент, выраженный в тексте антиципентом, всегда соотносит местоимение с классом понятий и является логическим предикатом по отношению к местоимению. В приведенном выше примере сегмент «от меня, от старика» эквивалентен выражению «я старик», в котором местоимение «я» является субъектом, а слово «старик» – предикатом.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что референция – это соотнесенность местоимений с объектами, аналогичная денотации, но в отличие от нее обладающая большей абстрактностью и большим числом способов проявления в тексте. Пожалуй, самое главное отличие референции ингушских местоимений от денотации – это их заметная текстовая несамостоятельность. По этой причине у местоимений в ингушских художественных текстах появляются различные корреляты, вместе с которыми они образуют текстовые блоки. В качестве текстовой единицы в ингушском художественном тексте целесообразнее рассматривать эти блоки, а не отдельные местоимения.

Список литературы

1. Доброва Г. Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства) / Г. Р. Доброва. – СПб. : Издательство Российского государственного педагогического университета, 2003. – 492 с.
2. Николина Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2003. – 179 с.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.
4. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1988. – 231 с.

References

1. Dobrova G. R. Ontogenez personal'nogo dejksisa (lichnye mestoimenija i terminy rodstva). – SPb. : Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2003. – 492 s.
2. Nikolina N. A. Filologičeskij analiz teksta. – M. : Akademija, 2003. – 179 s.
3. Padučeva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij). – M. : Editorial URSS, 2004. – 288 s.
4. Seliverstova O. N. Mestoimenija v jazyke i rechi. – M. : Nauka, 1988. – 231 s.

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА А. ГЕНИСА «ДОВЛАТОВ И ОКРЕСТНОСТИ»

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: aulova83@mail.ru.

Статья посвящена авторскому жанру филологического романа писателя «третьей волны» эмиграции А. Гениса, воплощенного в произведении «Довлатов и окрестности». Анализу подвергнуты черты мемуарно-дневниковой литературы, которые переплетаются с эссеистическими признаками, поскольку А. Генис свободно трактует события советской истории и описывает внешнюю и внутреннюю грани жизнетворчества известного писателя и журналиста Сергея Довлатова. Рассматривается жанрово-стилистическое своеобразие романа, которое заключается в сочетании воссоздания культурного ландшафта 1970-х и 1990-х гг. и филологического взгляда автора на творчество писателя. Особое внимание автор статьи уделяет анализу филологических приемов в романе, направленном на широкую читательскую аудиторию. Несмотря на множественные литературные и лингвистические термины в произведении, они не воспринимаются читателем как нечто статично-тяжелое и узкопрофессиональное.

Ключевые слова: А. Генис, воспоминания, С. Довлатов, филологический роман, публицистика русского зарубежья, постмодернизм, авторский жанр, эссе, жанрово-стилистические особенности.

GENRE AND STYLISTIC ORIGINALITY OF A. GENIS' PHILOLOGICAL NOVEL "DOVLATOV AND VICINITIES"

Bajбатырова Nailja M., Cand.Phil.Sc., Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St., 20a, e-mail: aulova83@mail.ru.

The article is devoted to the author's genre of the philological novel of the writer of «the third wave» of emigration A. Genis embodied in the work «Dovlatov and surroundings». The author analyzes features of memoirs and diary literature, which are intertwined with signs of essay, as A. Genis freely interprets the events of the Soviet history and describes the external and internal sides of life and creativity of well-known writer and journalist Sergei Dovlatov. The genre and stylistic originality of the novel which consists in a combination of reconstruction of the cultural landscape of the 1970s and 1990s and philological view of the author on the writer's creativity is considered. The author gives special attention to the analysis of philological methods in the novel directed on wide reader's audience. Despite multiple literary and linguistic terms in the work, they aren't perceived by the reader as something static, heavy and narrow professional.

Key words: A. Genis, memoirs, S. Dovlatov, the philology novel, publicism of Russian abroad, postmodernism, author's genres, essay, genre and stylistic features.

Гуманитарная проза писателя и публициста «третьей волны» русской эмиграции Александра Александровича Гениса включает несколько произведений, среди которых собрание восточных миниатюр «Темнота и тишина», теологическая фантазия «Трикотаж», ряд эссе на литературную и культурную тематику, а также филологический роман «Довлатов и окрестности». Филологический роман можно считать авторским синтетическим жанром А. Гениса, поскольку он включает формальные признаки автобиографии, дневниково-мемуарной публицистики, научной монографии, эссе.